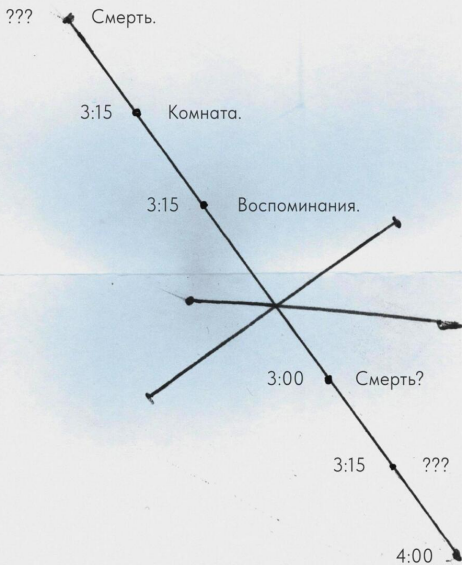

ДОЖДЬ

Boy Spiral

Дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69834379

SelfPub; 2023

Аннотация

Войдите в тёмную комнату, пропитанную болью и скорбью по упущенной жизни. И пройдите путь с молодой девушкой от забвения к освобождению. Проживите одну дождливую летнюю ночь вместе с той, кто хочет свободы.

Boy Spiral

Дождь

Предисловие.

Привет, меня зовут Саша, я начинающий писатель и здесь я хочу поделиться созданием истории «01|Дождь». Для начала стоит объяснить, история называется «Дождь», а приписка 01 перед ней обозначает номер истории, которую я опубликовал. Эти истории относятся к одному альманаху, в нём будут собраны разные истории. Они будут отличаться по размеру, повествованию, стилю и жанру. Почему так? Всё просто. Изначально я писал «Дождь», как простое писательское упражнение. Заключается оно в том, что я беру три ключевых слова, которые могу по-разному использовать, и жанр, за рамки которого я не должен вылезать. А дальше лишь полёт фантазии.

«Дождь» это не первая история, которую я написал, но первая история, которую решил опубликовать. «Дождь» стал отдушиной для меня и моих чувств. Эта история не претендует на оригинальность или на профессионализм, но я искренне надеюсь, что моя история вам понравится. Спасибо вам, приятного чтения.

Также важно и то, что в моём телеграмм канале ис-

тория дополнена дизайном (не зря же я учился на дизайнера), для погружения в атмосферу дождливой ночи. Там же я оставил плейсмит с музыкой, которую использовал когда писал историю. Если вам стало интересно, то ссылку на телеграмм канал оставлю тут: <https://t.me/SpiraBoy>

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

– Вот чёрт, опять? – пробухтела я. Потянулась к телефону. 3:15, и так уже недели две. Стоит мне прийти с учёбы, как я сразу засыпаю. Потом просыпаюсь под утро, моюсь, чищу зубы, и снова спать. Даже перебороть себя не выходит. Стоит лишь зайти в комнату, как сразу клонит в сон, и сколько бы я не пыталась, всё равно засыпаю.

Я встала с кровати и в два шага дошла до компьютера у окна. Стоило нажать на кнопку включения, как комнату осветили гирлянды. Мне всё ещё надо было поработать, но перед этим я решила пойти в душ. Имея проблемы со сном, понимаешь, как круто иметь отдельную ванну.

Маленькая комната и такая же маленькая лампочка, освещавшая её. Свет, исходивший от неё, имел какой-то против-

ный зелёный оттенок, и вся белая комната превращалась в болото. Я обещала себе поменять лампочку уже как месяц, но все никак. Моё лицо было немного опухшим, а на лбу отпечатался след от руки.

Какой кошмар. Видимо, кто-то сладко спал. Жаль, что не я. Сев на край ванны, я начала чистить зубы. Всё, чего мне не хватало – это разъедающего мятного вкуса во рту, будто он сдирал весь налёт с зубов и освобождал от боли мои дёсны. Голова всё ещё гудела – то ли от сна, то ли от мерзкой погоды.

Мои движения были неуклюжими и сонными. Я пыталась чистить зубы, снять с себя одновременно футболку, лиф и шорты. Повозившись, я всё же смогла раздеться. Сплюнула пену от зубной пасты в раковину и выпрямилась перед зеркалом. Обычное тело, немного худощавое, украшенное пунцовыми синяками и зажившими струйками порезов.

Обычно, если я вижу изувеченных людей, то испытываю интерес, перемешанный с жалостью. Что с ними произошло? Откуда синяки, шрамы или ожоги? Хочется пожалеть их, помочь им. Но, смотря на себя, я ничего не чувствовала: ни жалости, ни интереса. Просто синяки, просто шрамы, просто тело. Я встала под душ, меня окатила горячая вода, а вслед за ней по телу пробежали мурашки. Начиная от лопаток, они прошли по всем уголкам тела, заканчивая свой путь на ногах. Минут пять я просто отмокала под душем, пока, наконец, не почувствовала, что все мои кости прогрелись. Кое-как заставив себя помыться, я вышла из душа, переделась

и села за компьютер. Казалось, в ванной я была не меньше десяти минут. Но время на компьютере почему-то показывало 3:15. Мне подумалось, что это странно. Может, я просто ошиблась? Может, забыла, во сколько проснулась? Странно. Я же... А, ладно, наплевать.

Я села работать, мне нужно было написать небольшое эссе на любую тему. Перестав мучиться, я выбрала тему по литературе и приступила к выполнению зада...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настезь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

– Что? Почему я? – я потянулась к телефону. 3:15, и так уже недели две. Стоит мне прийти с учёбы, как я сразу засыпаю. А я вообще спала? Я просыпаюсь под утро, моюсь, чищу зубы и снова спать. Даже перебороть себя не выходит. Стоит лишь зайти в комнату, как сразу клонит в сон, и сколько бы я не пыталась, всё равно засыпаю... Что происходит? Это сон внутри сна?

Я встала с кровати и в два шага дошла до компьютера у окна. Стоило нажать на кнопку включения, как комнату осветили гирлянды. Голова гудела, а мне ещё надо было порабо-

тать, так что я решила пойти в душ. Имея проблемы со сном, понимаешь, как круто иметь отдельную ванну.

Маленькая комната и такая же маленькая лампочка, освещавшая её. Свет, исходящий от неё, имел какой-то противный зелёный оттенок, и вся белая комната превращалась в болото. Я обещала себе поменять лампочку уже как месяц, но всё никак.

Моё лицо было немного опухшим, и на лбу отпечатался след от руки.

Какой кошмар. Видимо...

Я четко помню, как это говорила. Мне стало не по себе.

Я начала чистить зубы. Всё, чего мне не хватало – это разъедающего мятного вкуса во рту, будто он сдирал весь налёт с зубов и освобождал от боли мои дёсны. Быстро дочистив зубы, я сплюнула пену в раковину. Белая с красными подтёками, я разодрала себе десну. От нервов? Но почему я нервничаю?

Я пыталась чистить зубы, одновременно снять с себя футболку и лиф. Повозившись, я всё же смогла раздеться. Сплюнула пену от зубной пасты в раковину и выпрямилась перед зеркалом.

Почему я разделась? Меня окатил холодный пот вперемышку с мурашками. Начиная от лопаток, они прошли по всем уголкам тела, заканчивая свой путь на ногах. Минут пять я просто отмокала под душем, пока, наконец, не почувствовала что все мои кости прогрелись.

Кое-как заставив себя помыться, я вышла из душа, переделась и села за компьютер. Казалось, в ванной я была не меньше десяти минут. Но время на компьютере почему-то показывало 3:15. Мне подумалось, что это странно. Может, я просто ошиблась? Может, забыла, во сколько проснулась? Странно. Я же... А, ладно, наплевать...

– Что происходит? – я закричала, резко вскочив со стула, и он громко упал на пол.

Что происходит? Почему? Я же видела это уже? Нет? Почему все повторяет...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

В панике я вскочила с кровати и подбежала к выключателю. Лампочка замерцала, а после осветила комнату теплым светом. Я подбежала к телефону. 3:15. Слезы полились из моих глаз, обжигая щеки и подбородок.

– Что происходит?

– Ты правда хочешь знать? – прозвучал холодный, пронзительный хор голосов из-за двери, которую я раньше не замечала. То была входная дверь. Меня пробрала паника. По-

чему я её не видела? Стоп, почему я даже не думала о её существовании?

– Я здесь, чтобы помочь.

– Кто ты?! – пытаюсь сдерживать плач, сказала я.

– Я сила! Я решение! Я часть тебя.

– Пошел ты!

– Как грубо, барышня. Ты сама меня призвала.

– Да кто ты такой? – истерически прокричала я, меня окутала паника. Что это за место? Кто за дверью? Почему я? Я сплю?

– Не спишь.

– Ч... Что?

– Сон это благодать. А это круг.

– Ах-ха-ха-ха-ха.

– Пока не вспомнишь, круг не прекратиться.

– Помогите, пожалуйста! Помогите мне!

Вся в слезах, сжавшись калачиком на полу, я молилась чтобы всё закончилось. Страх сковал меня, и вот уже через секунды...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а

дёсны ныли от грязных зубов.

Проснувшись, я закричала что есть мочи. Воздух заканчивался, а горло начало болеть. Я почувствовала, как надрываются связки. Крик сменился плачем, а плач истерикой. Слюни, сопли и сорванное горло – полный пакет беспомощности.

Я не помню, сколько я плакала, но помню лишь, что...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

Начался новый круг...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

Ещё пару кругов я просто лежала, надеясь, что всё закончится. Собеседник не проронил ни слова за все эти круги, а

на часах всё так же стояло 3:15.

– Почему ты молчишь?

– Мне показалось, что лучше дать тебе время, чтобы ты успокоилась. – вкрадчиво и уверенно сказал собеседник.

– Ха, конечно! – саркастично процедила я.

Минуту стояла глухая тишина.

– И почему ты сейчас замолчал? – я выпалила слова, даже не подумав. Его голос раздражал меня, но тишина и дождь раздражали больше.

– Всё та же причина.

– Да будто бы здесь можно быть спокойной? Я не знаю, где я, не знаю, кто ты, я ничего не могу сделать! – рявкнула я.

– Вы не верите мне? Или не верите в себя?

– Иди нах...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

– Что это за место?

На секунду собеседник задумался.

– Это знание вам не поможет. – проронил он. – Лучше спросите, что вам нужно сделать. Произнесло существо из-

за двери. Его голос больше не звучал оглушительным многоголосым хором, что впивался лезвиями в мою голову. Наоборот, вкрадчивый, спокойный, но холодный тон, мог расположить к себе, в других обстоятельствах.

– О, дай догадаюсь. Открыть дверь? – плеснула я сарказмом.

– Это не последнее действие, что вам придётся сделать.

– В каком смысле?

– Есть три вопроса и три действия.

– Мы в “Правду или действие” играем?

– Если вам угодно, называйте это так.

– Хорошо. И что это за вопросы?

– Откуда шрамы?

– Что? – в недоумении спросила я.

– Откуда ваши шрамы?

– Это первый вопрос. А другие два?

– Из вопроса вытекает действие, из действия вопрос. Вы поймёте, как ответите на первый вопрос.

– Хорошо, то есть, если я отвечу на все три вопроса и сделаю твои действия, то я внезапно смогу открыть дверь?

– Да, ответив на вопрос, вы сделаете первое действие. Ответив на второй вопрос, сделаете второе действие...

– А третье? Третий вопрос и третье действие?

– Я не могу сказать.

– И всё ради того, чтобы я открыла дверь?

– Ради того, чтобы вы освободились.

– Пф-ф-ф, так и поверила. А стоит мне открыть дверь, как меня разорвёт на части какая-то страшная хрень ростом под потолок?

– Вас пугает неизвестность. Но вам придётся столкнуться со своими страхами.

– Это бесполезно. Я не верю тебе.

– Хорошо. Позвольте мне задать вопрос, Коль вы не желаете открывать дверь, почему бы вам не воспользоваться окном?

– Что?

– Окно. Оно открыто нараспашку, почему бы вам не вылезти через него? Хотя, что важнее, почему же вы в него не смотрите?

Я потеряла дар речи. У меня и мысли не было смотреть в окно. Я будто игнорировала его существование. Но, посмотрев в него, я поняла, что там нет ничего кроме дождя. Смотря на него, меня пробил животный страх. Страх не того, что за окном кто, а страх глубины, будто окно вело в бесконечно глубокий океан, из которого я не смогу выплыть.

– Вы поняли? Вы не хотите открыть дверь, вы боитесь её открыть. Не из-за того, что за ней может стоять какая-то тварь, а потому что сам факт наличия этой двери вызывает у вас ужас. Как и пустота за окном это глубина, которой нет счёта, и преодолеть её может помочь только ответ на вопрос.

Комната скрутилась, выгнулась, как будто была сделана из бумаги, будто кто-то комкал этот лист. Помещение искажа-

лось с каждой секундой всё больше и больше. Нет, не комната, а моя голова шла кругом от осознания. Я среди страха, в пасти прожорливой твари, и чем дольше я здесь находилась, тем хуже становилось зловоние этой пасти, а зубы скрежета в моём сознании медленно, будто капкан, сжимались. И когда эта пасть захлопнется, я не смогу выбраться.

– Это страх свободного падения. – шёпотом промолвила я.

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

– Круг начался заново?

– Именно так.

– Какой это круг?

– А с какого момента?

– Что?

– Вы хотите, чтобы я посчитал, с какого момента?

Меня снова бросило в холодный пот.

– С момента начала первого круга или с начала вашего пробуждения?

Неужели я нахожусь здесь дольше, чем мне казалось?

Примерно пятый или шестой круг, но могу ли я ошибаться? Что, если это сотый круг, что тогда? Если я здесь так долго, тогда пасть уже захлопнулась? “Нельзя”. – вспыхнуло в голове. Нельзя знать, это не поможет, нельзя думать об этом.

– Нет, не говори.

– Как пожелаете.

Понадобилось время, чтобы я могла, наконец, прийти в себя. Я умыла лицо, снова почистила зубы и села перед дверью.

– Ладно, давай свой первый вопрос.

– Откуда ваши шрамы?

– Шрамы? Смешно. У меня нет... У меня же нет шрамов?

В ответ прозвучала тишина. Я посмотрела на руки. Сиянки, ожоги и порезы. Моя кожа была изрешечена увечьями. Я не понимала, почему не обращала на них внимание. Нет, суть в другом. Почему я ничего не помню? Дверь. Окно. Шрамы. 3:15 на часах. Почему я даже не думала о странностях? В плане...

– Послушай. Я тут, потому что ничего не помню?

– В том числе.

– Но почему я поняла, что тут что-то не так, только сейчас?

– Вы спали. Сейчас же вы находитесь в полудрёме.

– И вопросы помогут мне проснуться?

– Верно.

Я села на край кровати прямо перед громоздкой и обшар-

панной дверь. Мысли роились в голове, не давая мне и шанса погрузиться в омут памяти. Я выдохнула и постаралась сосредоточиться на стуке собственного сердца. Минута, две, три. Я просто сидела молча, стараясь прислушаться к себе. И, чем дольше я сидела, тем отчетливей становились пробылы меж ударов сердца, будто оставляя мне маленькую лазейку, через которую я смогу заглянуть глубже внутрь себя. Лишь бы поймать ритм. Лишь бы поймать момент.

Постепенно дыхание замедлялось, а с ним и сердцебиение. Удар, второй, третий. И вот он – момент, и я нырнула с головой в омут запутанных воспоминаний.

Мне было так жарко и так стыдно. По дороге с дополнительных занятий я с кем-то говорила. Это был парень?

– А ты чего в кофте?

– Что, прости?

– Чего ты в кофте ходишь? На улице июль, почти тридцать градусов.

– Да мне нормально

– Ты уверена?

– Да, конечно. Просто не люблю открытые вещи.

А ещё тот случай. Тот самый, когда...

– Ой, милая, почему же ты не в платье?

– Я не знаю.

– Давай, я тебя переодену.

– Давай! – радостно ответил ребенок.

Так странно. Я это помню, но очень смутно. Детский голос и голос пожилой женщины. Детский голос? Это мой? А второй голос? Он такой тёплый, но почему он такой... Такой напуганный?

– Милый, иди сюда. – из соседней комнаты раздался ещё один пожилой голос. Мужской.

– Иду.

Я не помню, почему, но они оба были напуганы. Они оба смотрели на меня. И мне было так... Мне было стыдно? Было что-то ещё? Нет, я точно знаю, там было что-то ещё! За этими взглядами в этом воспоминании было что-то ещё. Но воспоминания были рыхлыми подобно песку. Они высыпались у меня из рук, не давая мне заглянуть глубже. Ещё такое же чувство стыда.

И ещё, такое же чувство...

Я посмотрела на дверь. Никого не было. Я думала, что успею быстро помыться после физкультуры. Разделась и быстро проскочила в душ. Горячая вода неприятно колотила кожу. Я стояла босиком на скользком кафеле. И тут дверь открылась, за спиной раздались женские голоса. Три или четыре девушки звонко что-то обсуждали. Но меня одолел страх. Я не могла пошевелиться. Будто кто-то сковал моё тело. Девушки прошли в душ. Паника накатила на меня. Лишь бы они не смотрели.

– О, боже! – сказала одна.

– Эй, это неприлично. – ответила вторая.

– Послушай, ты в порядке? – мягкий голос говорил это мне, это была третья девушка. В её голосе звучало беспокойство. Но я не могла ничего ответить. И уйти я не могла. Я просто стояла, игнорируя её.

Стыд. Стыд. Стыд.

– Ладно. Слушай, если что, говори, я попробую тебе помочь. Хорошо?

Уходя, все, кроме одной, шептались.

– Кто это её так?

– Может, папаша?

– Ты просто конченная!

– Да ладно тебе!

Мерзость. Я не знаю, что должна была говорить. Как должна была себя вести. Я просто всё время горела, горела от стыда и беспомощности. Каждый раз, когда люди смотрели на меня, я чувствовала себя жертвой. Я открыла глаза, встала с кровати и снова зашла в ванну. Встав перед зеркалом, я сняла с себя футболку и лиф. Тело в пунцовых синяках и с зажившими струйками порезов.

– Так странно. Мне казалось, что шрамов нет, пока ты не сказал о них. Я бы хотела о них не вспоминать.

– Простите, но вспомнить это единственный путь к свободе.

– Я не знаю, что лучше. Свобода или незнание. Может, неведение это хороший вариант?

– Вы уже открыли глаза. Закрывать их и сказать, что ничего...

Я перебила собеседника.

– Я знаю, знаю, что это невозможно и бессмысленно. Но я всё ещё не знаю. Хотелось бы мне не вспоминать все эти чувства? Что, если бы можно было просто очнуться? Знаешь, другим человеком. Без боли и шрамов.

– Жаль, что так нельзя.

– Да, жаль...

Круг замкнулся.

Два круга у меня ушло на то, чтобы я прочесала всю комнату. Чтобы я насмотрелась на фотографии с поплывшими лицами. Словно это не лица были, а мороженое, оставленное на солнце. Тетради со школьных времён. Альбомы для рисования. Подсказки появлялись постепенно. И, хоть я не могла увидеть лиц или вспомнить что-нибудь ценное, все мои находки медленно вели меня по всей комнате в поисках чего-то важного. Компьютер, шкаф с одеждой, записки, плакаты и открытки будто стрелочки указывали на кровать.

Я почувствовала что-то странное на кровати. Что-то привлекло мой взор, но что именно, не понимала. Медленно обойдя её, я убрала подушки, плед, а затем одеяло. Руки деревенели, не слушались, они не хотели чтобы я стягивала

одеяло. Взяв волю в кулак, резким движением всё же сняла его.

Небольшое красное пятно. Почти в центре на кровати, как раз там, где я сплю.

– Но почему тут?

Собеседник молчал.

– Ясно. Здесь что-то настолько плохое, что ты не хочешь даже говорить со мной? Я понимаю. Я постараюсь сделать всё сама.

Мне нужно было только лечь на кровать. Но чувства твердили мне этого не делать. Будто если я лягу, то провалюсь в яму, из которой нет выхода. И никакого белого кролика или удивительной страны. Эта яма в пустоту.

– Я...

Фууух, просто лечь. Не думать, а лечь.

Я села на кровать, но не так, как садилась на неё раньше, пока не видела это багряное пятно. Я села аккуратно на край, будто боясь спугнуть кого-то, сидевшего на ней. Минут пять не могла повернуться. Просто сидела на краю кровати. Белая, но мятая от частых приступов бессонницы и сырая от жары, влажности и пота. Я кое-как смогла уложить голову на кровать, ноги всё ещё сталью были прикованы к полу. Моё тело было напряженным. Каждая клеточка, каждая мышца понимала, что будет. Тело понимало, что было. Не понимала только я. Догадывалась, но не понимала, будто между мной и памятью стояла стена, которую воздвигла я же для того, что-

бы выжить. Я положила ноги на кровать, машинально свернувшись в позу эмбриона.

– Это? – с трепетом произнесла я.

– Мне жаль...

В голову резко ударила кровь. От неожиданности я сползла на пол. Казалось, что все сосуды лопаются, с невыносимой скоростью заполняя мою черепную коробку густой кровью. Мне казалось, что я умираю. Уши заложило, а голова раскалывалась на части. Я корчилась на полу, не в силах терпеть эту боль. Била себя по голове, по вискам в надежде, что это поможет, но становилось только хуже. Из носа хлынула кровь, капая на руки и протёртый пол. К горлу подкатила рвота, и тут всё потемнело.

Первая мысль: “Я что, умерла?” Вторая: “Я всё ещё жива?” Меня вырубил. Потом я пришла в себя. В полной темноте мысли рождались медленно, постепенно нарастая. Всё было покрыто тонкой пеленой, как если спишь и просыпаешься, не открывая глаза, но всё ещё будучи одной ногой во сне.

Но это не был сон.

Дверь открылась. Та дверь, за которой мог стоять кто угодно. В комнату проник маленький луч света. Постепенно расширяясь и вызывая непонятный мне мерзкий страх, очень знакомый страх, но, кажется, давно позабытый. В проёме появился человек. Тучный и высокий, он занимал всё пространство двери, а свет будто мерк под его наплывом. Я

сжала одеяло, будто оно было единственным, что могло меня спасти. Глаза слезились от яркого света. Он вошел в комнату, половицы под тяжестью его тела звонко

скрипели. Я не понимала, что происходит, но все поджилки затряслись, всё тело сковал страх, нервы натянулись как струны, а голосовые связки оледенели. Он оставил дверь открытой, затем подошел ко мне. Каждый тяжелый шаг сопровождался отчётливым плачем пола. Он протянул руку и погладил меня по голове. После обошел кровать. Сердце сдавила паника, раздался отчетливый звук, знакомый звук. В ушах колотило, я отчаянно пыталась понять, что за звук я слышу. Хаотично перебирала все варианты, пока не поняла, что упускаю лишь один вариант. Тот вариант, что пугал больше всего. Звук расстёгивающейся ширинки.

Но наледь на связках никуда не делась. Кровать затрясло. Он сел на неё, а затем в два движения подвинулся ко мне вплотную. Слезы лились от осознания того, что сейчас случится. Голова шла кругом. Одеяло отодвинулось, и я почувствовала отвратительное тепло его тела. Его руки танцевали мерзкий танец на моей коже. Нырнули под пижаму. Движение за движением они проникали всё ближе.

Пижамы? Почему на мне пижамы? Я не была в пижаме. Почему я? Взгляд упал на руки. Что с моими руками? Слишком маленькие. Это я? Холод разлился по нервам и жилам, венам и сосудам, Каждая клеточка моего тела оцепенела.

Мне девять, руки моего отчима стягивали пижаму всё ниже. Пока, наконец, он не добрался до цели. Грубыми движениями он проникал в меня. Я отчаянно пыталась найти что-то, чем можно было бы дать отпор. Хоть что-то. Глаза бешено метались по комнате, пока не упали на дверь. Второй силуэт стоял за углом и смотрел. Тонкий силуэт, худой силуэт. Она смотрела из-за угла. Её лицо в полумраке, и отблески глаз на свету. Она стояла там, видя, что происходит. Видя, что он делает. Стояла и смотрела, как потные руки терзали меня. Надрывая горло, я выцедила из себя маленький сиплый писк, слезы скатывались по маленьким детским ручкам, впитываясь в одеяло...

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу, впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Я открыла глаза в густой бархатистой тьме, что одеялом окутывала всю комнату. Единственное спасение – настежь открытое окно. За ним ритмично барабанил дождь, нагоняя свежесть в прокисшую душную комнату. Голова неприятно гудела, а дёсны ныли от грязных зубов.

Не было ни истерик, ни надрывного крика. Я просто лежала в той же постели, а слезы тонким ручейком стекали по лицу, впитываясь в подушку. Час или два я просто лежала. Затем встала и на ощупь нашла выключатель от ванной. Включила свет, медленно прошла вперёд, не смотря на себя в зер-

кало. Я встала в ванну и включила воду. Я не хотела отмыться от грязных болезненных прикосновений. Я не хотела забыть о шокирующей жестокости и мерзости произошедшего. Пока горячая вода стекала по моему телу, я думала лишь о том, как доказать его вину. Вину того, кого я не видела в лицо. Могли ли я спустя столько лет пойти в полицию? Могли ли я сделать хоть что-то?

Совершенно никаких чувств, только спокойствие и только маленькая искра в голове: “Уничтожить”. Она будто красной нитью проходила через все бесчисленные вопросы, что я задавала самой себе. Вода обволакивала меня, и, будто керосин, она разжигала во мне эту искру. И уже не было сомнений, не было красной нити. Не было вопросов, кроме одного.

– Как мне уничтожить его?

Я вышла из ванной, но уже не той, что была раньше. Будто весь страх умер, а на его трупке копошились опарыши ярости. Тихой и безумно опасной.

– Что мне ещё нужно вспомнить?

– Кто он?

– Слова тех девушек в воспоминаниях. Я подумала, что они правы. Что это был отец.

Я посмотрела на стол, а затем на стену. Маленькая фотография, приколотая булавкой, будто появилась из ниоткуда. Я аккуратно вытащила булавку и взяла её в руки. В свете дверного проема я разглядела маленькую себя, а рядом стояла моя мама и какой-то мужчина.

– Но это неправда! Фотография прояснилась. – Я, мама и папа. Мы все были на детских стартах, мне тогда было 6 или 7, не помню точно. Но помню, что это был очень весёлый день. Бегали наперегонки, перетягивали канат и играли в кучу других игр. А потом мы были все потные, и я помню как мы не поехали домой, а поехали в парк. Мама с вечера приготовила кучу еды. Мы играли, и все были счастливы. Это было как раз перед его смертью. Через неделю папы не стало. А потом...

Я сжала фотографию в руках. Ярость кипела внутри меня. Оставалась лишь дверь, за которой мог стоять кто угодно. Но мне было плевать. Я была готова разорвать любого, кто стоял за ней. Медленными шагами я подошла к ней. Страх прорывался сквозь ярость, смешиваясь в животе.

– Госпожа, постойте. Вы вспомнили не достаточно...

– Я вспомнила достаточно! – слова струились из моего рта спокойно и уверенно.

Хоть я и понимала, что он был прав, но оставаться здесь я не могла. Медленно взяла ручку от двери, всё тело покрылось мурашками. Я сделала вдох и медленно повернула ручку. Выдохнула и толкнула дверь. Та со скрипом открылась, Впереди была тьма, густая как мазут и едкая как запах тухлого мяса. Последние сомнения погибли во мне, и я шагнула во тьму.

Липкая и удушливо жаркая ночь. Пот, скользя по телу,

впитывался в простыню, очерчивая контур моего тела. Во тьме раздался грохот и крики. Я резко открыла глаза. На секунду шум утих, а потом опять раздались звуки борьбы. Они шли снизу, я схватила телефон. 3:00. Быстро встала с кровати и побежала на первый этаж сквозь узкий и тёмный коридор. Проскочила лестницу и сразу оказалась в холле дома. Входная дверь была выбита, с улицы в дом проникал дождь.

Из-за сильного дождя, что попадал в дом через старую трухлявую крышу, проводка постепенно перегорала. Свет то и дело работал с перебоями, постоянно мерцая. Посмотрела направо – в гостиной всё было раскурочено. Мама прижалась к стене около камина, а посередине комнаты стоял тучный высокий мужчина с монтировкой.

– Это ты! Ты сказала ей это сделать! – истерически кричал мужчина.

– Нет, нет! Она сама. Я ничего...

– Заткнись, сука! – он замахнулся и ударил маму монтировкой по плечу, раздался громкий хруст. Она завизжала от боли и рухнула на пол. Мужчина не унимался, он продолжал колотить её ногами, пока не разбил её нос. Всё её лицо было залито кровью. Она умоляла его остановиться, но он не прекращал. Я рванула на кухню. Взяв первый попавшийся нож, быстро вернулась назад, но он уже ждал меня.

– Поганая тварь! Я растил тебя, когда мой братец сдох! Я кормил тебя! Я тратил на тебя деньги! А ты что? Решила от меня избавиться? Решила, что можешь сдать меня в по-

лицию?! – в голосе была слышна ярость.

– Т... Ты! – я не могла найти слов, пузырились около гортани, поднимаясь вверх бессвязной речью.

Он кричал мерзкие, отвратительные слова.

Он кинулся ко мне. На секунду я оцепенела. И в тот же миг мне по ребрам прилетел удар монтировкой. Боль прожгла меня насквозь. Из рта полилась кровь. Он ударил с такой силой, что я отлетела в стену рядом со сломанной дверью. Нож чудом не вывалился из моих рук. Дальше отрывки, секундные воспоминания. Удар по лицу, и я на полу. Я выставляю нож, он напарывается на него рукой. Следом крики и удар монтировкой по руке. Я закричала от боли, он сел мне на грудь, начал избивать меня. Я смогла оттолкнуть его ногой.

Я перевернулась, пыталась убежать, но последовал удар по спине. Такой тяжёлый, что меня пригвоздило к полу. А затем удары по ногам: левая ступня и правая голень были раздроблены, я чувствовала, как осколки костей впиваются в плоть. Он перевернул меня. Я старалась сопротивляться, одной рукой прикрывала лицо как могла, но в какой-то момент глаза залила кровь. Я чувствовала, как он выбивает мне зубы, как с каждым его тяжёлым ударом мой череп трескался.

Хруст собственной челюсти, моя переносица была раздроблена. Я не успевала выплёвывать кровь, она скапливалась в горле и пузырилась около лёгких, я не могла вдохнуть. Он продолжал избивать меня, пока моё лицо не стало

похожим на кусок плохо разделанного мяса.

Он снова кричал, обвинял... Схватил меня за то, что раньше было челюстью, и начал трясти. Я уже переставала слышать его, просто чувствовала, как жизнь покидает меня.

Он убивал меня.

Он всё говорил, кричал. Я была рада, что не слышу его слов. Я не могла ответить, не могла вздохнуть. Очередной его удар пришёлся мне в грудную клетку, но боли уже не было. Мне было всё равно. Всё равно, что он делает, что говорит, я не чувствовала боли, не чувствовала ничего.

Дождь так приятно бил по моему лицу, по руке, пока он стаскивал с моего брэнного тела одежду, чтобы надругаться надо мной в последний раз. Или чтобы легче было избавиться от тела, я не знаю. Я пыталась вспомнить хоть что-то хорошее, хоть что-то счастливое. Хоть какие-то воспоминания. Но вся моя жизнь была наполнена сплошным мраком.

Я не пыталась себя жалеть, в этом не было смысла. Жалость не помогла бы мне избавиться от побоев, не помогла бы мне выбраться из этой клетки насилия. Но как же поздно я поняла, что нужно что-то менять. Та дурацкая кофта в середине июля – было так жарко, но я не могла показать синяки, не могла позволить кому-то испытывать ко мне жалость.

Я слишком рано поняла, что не могу ни на кого положиться. Такая глупая ложь, ведь были те, кто хотел помочь, были те, кого заботила моя жизнь. Но я не могла в это поверить, не могла это принять. Может, если бы я пожалела себя? Может,

если бы я могла пожалеть себя? Если хотя бы раз я могла поплакать над собой? Не от боли или криков, а от жалости к себе. Может, я смогла бы выбраться из этого кошмара? Может, я смогла бы помочь себе?

Смрадный холод. Такой разъедающий и давящий, что вздохнуть было просто невозможно. Глаза болели, я пыталась моргать, но веки оставались неподвижными.

Сквозь кровавые морозные узоры на радужке глаза я видела тонкие полосы света, что расцветали во тьме. Казалось, шаг за шагом мы двигались навстречу друг другу. Но шагов не было, я висела среди тьмы, а на меня неслись тысячи тонких полос, решетающих моё тело. С каждой иглой, сотканной из света, я видела себя, всю свою жизнь, всю боль и всю радость. Воспоминания мгновением пронеслись перед глазами, растворяясь в пучине небытия.

– Где я?

– Вы в центре ока бури, моя госпожа, вы в центре смерти.

– Я была мертва с самого первого круга?

– К моему сожалению.

– И что же дальше?

– Дальше только вы.

Какая ничтожная смерть. Быть забитой тем, кто меня истязал. В отчаянии я падала вниз. Злость и жалость, смешиваясь, прорастали во мне желанием. Ростки и ветви рвали мои вены, желая найти выход из искажённого тела. Через откры-

тые раны, через кожу и поры к свободе, к неконтролируемому горению. Их рост отсчитывал, сколько метаморфоз мне понадобится, чтобы я, наконец, могла постоять за себя.

Тысячи? Сотни? Десятки раз?

Сколько мне нужно было гореть?

На деле ни чисел, ни страданий больше не было нужно. Для маленькой девочки было важно выстрадать изменения, чувства, желания. Но для меня хватит и Одной Метаморфозы, чтобы освободиться от гнёта чувств. Лишь решиться на шаг. И шаг уже был мной сделан. С самого начала окружённая тьмой я горела, обращаясь в пепел.

Ночь, дождь, кровь. Она лежала около двери, челюсть раздроблена в кашу, лицо в жутчайших ранах, а кости неестественно выгнуты. Я не могла оторвать взгляд от мёртвого тела. Будто заморожённая, я пялилась, стараясь запомнить всю картину до мельчайших подробностей. Я чувствовала горечь и облегчение. Она была моей дочерью, она была обузой. Я знала, что не смогу полюбить своё чадо, каким бы оно не было.

Ненависть и любовь, две стороны одной монеты. Моей дочери выпала ненависть, и я не могла... Нет, я не хотела переворачивать монету. Её отец был единственным, кто останавливал меня. Единственным, кто показывал мне лучшие стороны моей же дочери. Он был единственным, кто пробуждал во мне любовь к ней. Но с его уходом я поняла, что буду той,

кто сломает ребёнка, уничтожит всё её желание жить.

Вот почему я закрывала глаза на всё, что он с ней делал. Я была в ужасе, когда он первый раз взял её у меня на глазах. Но внутри где-то глубоко я почувствовала радость. Радость от мысли, что ей больно, больно даже сильнее, чем мне. Я была рада, что рядом со мной появился кто-то, кто может причинить ей боль без зазрения совести. Тот, кто может стать ретранслятором моей ненависти.

И даже сейчас, смотря на неё, я рада, что она умерла в муках. И рада, что все её мучения закончились. С каждой каплей дождя, что падала на её лицо, я становилась свободнее. Больше не было обузы и ненависти, больше не надо играть во что-то. Наконец, я могла уехать из этого города. Не оправдываясь перед всеми, не испытывая вины за то, что я плохая мать.

Лишь его крик выводил меня из теплых чувств. Крик человека, что жестоко убил мою дочь. Он кричал, поливая нас новыми обвинениями. У него это хорошо выходило – обвинять труп и эгоистку в своих неприятностях.

Обвинять в своих желаниях, в своих пороках. Размахивая телефоном с включенным фонариком, он пытался найти бинт, чтобы перевязать руку. Он во всём пытался соответствовать брату. Хотел занять его место, первый для мамы и папы, первый для учителей и для друзей. Но как бы он ни старался, достигнуть он ничего не мог. Наверное, он думал, что сможет избежать наказания. Наверное, он считал себя

правым. Я считала, что он жестокий и трусливый. Я также сильно его ненавидела, как он ненавидел себя.

Свет потух. Лампочка, наконец, перегорела. Я машинально перевела взгляд. Раздался свирепый рык грозы, и во тьме блеснули два глаза. “Он вернулся?” – подумала я. Но резкий страх пронзил каждый нерв моего тела. Такого я раньше не испытывала. Я превратилась в животное, что ведут на убой. Она висела в воздухе, будто что-то держало её за шею. Переломанная челюсть неестественно свисала. Умирая, её лицо было умиротворённым, но воскресла она со звериным оскалом. Тихо, будто пушинка, она опустилась на пол и прочно встала на свои сломанные ноги. Её рука поднялась, она поднесла указательный палец ко рту. Не шуми, я поняла её сразу. Но даже исполнить её просьбу по собственной воле я не могла. Само её присутствие заставляло мою гортань сжиматься, я не могла вздохнуть и не могла думать. Я была чем-то меньшим, чем жертва, я была ничем.

В её жёлтых глазах сияла сила. Нет, в них сияла жизнь. Золотом обагрив место, где её убили. Она выжидала, когда убийца, наконец, обратит на неё внимание. И вот раскат грома, и он соизволил обратить внимание на место, где секунду назад стояла моя дочь. Она исчезла, в мгновение растворившись в воздухе. Он шёл ко мне, даже не заметив, что труп исчез. Просто переступив место, где он должен был лежать. Ожидаемая и болезненная оплеуха. Он бил наотмашь, желая не просто ударить, а причинить как можно больше боли. Но

это не имело значения. Я даже не слышала его слова. Я лишь видела её, возвышающуюся над его тушей.

Нервы сдали, я начала панически смеяться, даже не желая того. Я заливалась смехом, смотря за тем, как охотник превращается в добычу.

Раскат грома. Он увидел тень на стене. Обернулся, его тело содрогнулось, ноги подкосились. Крик на одном дыхании, такой громкий, что закладывало уши. Он визжал от страха, а под ним образовалась лужа. Она спустилась вниз и припала на колени, их глаза были на одном уровне. Он вертел головой, пытаясь прогнать наваждение, но это было бесполезно, ведь она была не галлюцинацией, ни духом и ни демоном. Она была собой, а это означало, что его ждёт ужасный конец.

Она прикоснулась своим лбом к его лбу. Казалось, что она из дикого племени. Казалось, что она животное, которое будет пожирать больного сородича. Она резко вскинула руку влево, и с убийцы слетела вся одежда. Она рассматривала его, обнюхивала, если так можно сказать. Стоило ей посмотреть ему в глаза, как он быстро выставил руки в стороны, будто его собирались распять на кресте. Она провела пальцем по его левой руке, мягко очерчивая его мускулы от плеч до кончиков пальцев. Убрав руку, она посмотрела ему в глаза снова, щелкнула пальцами. Кожа, медленно скрипя, начала отрываться от его мышц, оголяя мясо. Будто по выкройке, она ровным пластом слезала с его рук. Он не мог кричать, но, к его сожалению, мог чувствовать. Отделившись от паль-

цев, кожа послушным пластом замерла в воздухе. Моя дочь взмахнула, и, загоревшись синим пламенем, его кожа полетела в камин.

Следом от руки начали отрываться мышцы, они тонкими нитями отслаивались от костей, занимая почетное место рядом с его кожей. За ними последовали сухожилия, капилляры, артерии и вены. А кости медленно тлели, превращаясь в прах. Мне казалось это отвратительным и замораживающим одновременно. Ей нравилось наблюдать за его страданиями. Покуда его пытка была игрой, она была чрезмерно азартной.

Она отошла от него, покосилась, рассматривая его тело. Щёлкнув пальцами, он резко выпрямился и будто на дыбе замер в метре от пола. Левая нога, правая нога, пах, торс и правая рука. Она медленно выбирала, какую часть тела ей разобрать следующей. В пекле боли он сходил с ума, участвуя в ужасном ритуале по восстановлению справедливости.

Она вскинула правую руку, воздух завибрировал, правая рука насильника задрезалась, сдавленные стоны было отчетливо слышно даже мне. Кость ломалась внутри его плоти, разрывая кожу на лоскуты, осколки плыли к ней в руку, огибая голову насильника. Её лицо исказилось в зловещей улыбке, осколки костей танцевали, пазлом подбирая друг другу пару. Зубья вставали кривым рядом, чтобы причинить как можно больше боли. Жертвенный кинжал, что больше был похож на кривую ножовку. Хотя я и видела лишь его спину, я поняла, к чему всё идёт. Она опустилась на четвереньки, си-

лой медленно выравнивая его тело в воздухе, чтобы хозяйке было удобней свершить свою кровавую месть.

Взмах Кинжала, и кровь окропила его лицо. Звук настолько въедливый, что не забудется никогда. Заполняющий всё, чего коснётся страх. Звук острых зубил, что медленно отрезают плоть. На пол из его промежности рекой полилась кровь. Я не могла отползти. Теплая и маслянистая, она касалась моего тела, ног и рук, медленно заполняя всю гостиную. Она взмахнула рукой вверх, держа окровавленный ошмёток мяса, что некогда был его достоинством, и ломано, сквозь боль она пропела что-то на языке настолько древнем, что сознание начало мутнеть. С последним словом молния обрушилась на землю, выбивая все окна и разнося стекло по всему дому.

Она взмахнула рукой с ножом, сделав мысленный разрез. Нижняя часть тела насильника исчезла из мира. Его измученное тело упало рядом со мной. Он всё ещё был жив, всего жалких десять секунд, но по его глазам я понимала, что эти секунды длились вечность. Стоило его зрачкам расшириться, стоило блеску его глаз исчезнуть, как и моё сознание отключилось.

В свете пылающего камина мы сидели в луже крови, я держала в руках нож из костей моего насильника, а мама спала. Я всё гадала, что же я сделаю, когда она откроет глаза? Может, я свирепо разорву её на части? Или всё же прошу её? А,

быть может, я расплачусь? Я не знала, что именно буду делать, не знала, что буду чувствовать. Казалось, что этот момент будет послесловием моей мести, прекрасной и отравленной ядом. Именно этот диалог завершит всю историю моих страданий.

Стоило его душе сгореть в огне, как моё тело исцелилось, помимо тех ран, что он нанёс мне в детстве. Шрамы нельзя было исцелить, их нельзя было стереть. Даже если бы мне этого хотелось, это было невозможно.

– Вы удовлетворены своей охотой, госпожа? – из тьмы, до которой не доходил свет пламени, вышел чёрный кот. Он медленной вальяжной походкой подошёл ко мне и потёрся о ногу.

– Почти, я должна поговорить с ней.

– Должны ли?

– Я хочу спросить у неё напрямую, а не додумывать сама.

– Какой же ответ вы желаете получить?

– Любой, мне не важно, что она скажет. Грехов её это не исправит. А меня не исцелит.

– Поставить точку в истории?

– Именно.

– Понимаю. Я буду неподалёку.

– Спасибо тебе.

– Всегда к вашим услугам, моя госпожа.

Не прошло и десяти минут как мама начала приходить в себя. Поочерёдно открывая глаза, она будто снова утопала

во сне. Но вот, наконец, она встала.

– Ты? – протяжно произнесла она.

– Умерла?

– Только мёртвый способен на такое.

– Возможно.

– И что теперь?

– Поговорим. – я смотрела пристально ей в глаза. – Скажи, ты любила меня хоть когда-нибудь?

– Я не знаю. Только твой отец пробуждал во мне эти чувства. Но когда он умер, я захотела чтобы и тебя не стало.

– Так значит, отец виноват в том, что ты делала?

– Нет. Как бы я ни хотела перекинуть вину на кого-нибудь другого, в этом уже нет смысла. Лишь я виновата в твоей смерти. Лишь я виновата во всём. – она говорила спокойно, но в голосе чувствовались горечь и отчаянье.

– Я скучаю по нему.

– Я тоже.

– Я почти не помню его лица, но я вижу его везде, в каждой мелочи. А ты?

– А я вижу его в тебе. В твоей улыбке, глазах, слова. Мне так мерзко смотреть на тебя! Ты, твои глаза, твои слова, поведение и даже улыбка. Всё в тебе, вся ты! Как будто напоминание моей слабости, глупости и удушающей, безумной любви. Любви, к твоему отцу. Я растворялась в том, чего хотел он. Он хотел дом в тихом месте поближе к семье. Тогда этого хотела и я. Он хотел играть в футбол со своими дру-

зьями. Тогда я готовила перекус ему и его друзьям. Он хотел идеальную жену, и тогда я готовила ему три раза в день, убирала дом, а ночью обслуживала его, как это не сделала бы ни одна шлюха. Он хотел, а я делала. Но когда он заговорил о детях, меня вывернуло от страха. Я боялась, не хотела, я знала, что не смогу. как бы ни пыталась. Я не смогла... отстоять себя. Всё время, которое ты была во мне, я хотела умереть. Всё время, когда ты росла, я хотела умереть. А после его смерти я захотела убить тебя. – еле сдерживая слёзы, она говорила злые, но искренне вещи. – Думаешь, я заслужила такой жизни? Я не хотела так жить, не хотела всего, что произошло. Я просто хотела, чтобы вся эта боль ушла!

– Я понимаю тебя.

– Если понимаешь, тогда подними свою руку и убей меня! Я не хочу жить! Я не хочу жить без него!

Её голос срывался, когда она говорила мне эти вещи. Но мне не было её жалко. Скорее, мне было противно смотреть на неё и её пустые терзания. Наверное, если бы всё сложилось по-другому, если бы она пересилила себя, мы нашли бы выход. Но уже поздно хоть что-то менять.

Я встала с пола, мне больше нечего было делать в этом доме. Наконец-то я стала свободной. И, наконец, я смогла оставить всё это позади.

– Постой, постой! Прошу, убей меня! Я умоляю! Убей! – она схватила меня за лодыжку, валяясь на полу в остывшей крови.

– Нет.

– Прошу! Сжалесь надо мной! Прошу тебя!

– А ты заслужила жалости?

Сопли и слёзы, полный комплект отчаянья, но это были её проблемы. И я не была намерена их решать, я шла к выходу. С каждым шагом обретая всё больше свободы.

В дверном проеме сидел чёрный кот.

– Вы закончили?

– Да, теперь закончила.

– Тогда позвольте спросить снова. Вы удовлетворены своей охотой, госпожа?

– Да, теперь я удовлетворена.

Хоть я и понимала, что нельзя быть удовлетворённой смертью и муками других, но я искренне была рада, что всё закончилось. Теперь моя ярость была сыта, а я свободна. Целый мир, в котором я вольна быть собой. Целый мир, подконтрольный только мне и никому больше.

Я впервые за долгое время смогла улыбнуться. Опустившись, я взяла кота на руки и вышла к восходящему вдалеке солнцу. На часах стояло 4:00. Воздух был тяжёлым из-за испаряющийся влаги. Но теперь впервые в жизни я чувствовала свободу.

Я чувствовала желание жить.